

Хайдеггер Мартин. К определению философии / Перев. с нем. А.П. Шурбелева. — СПб.: Изд-во Владимир Даль, 2025. — 335 с.

Книга состоит из двух лекционных курсов 1919 г.: курс «Военного семестра» и курс летнего семестра. Первый семестр — «Идея философии и проблема мировоззрения» — состоит из «Предварительного рассмотрения. Наука и реформа университета» и двух частей: «Идея философии как пранауки» и «Феноменология как дотеоретическая пранаука». Второй семестр — «Феноменология и трансцендентальная философия ценности» — из Введения и также двух частей: «Проблемно-историческое изложение» и «Критические соображения». В конце — два Приложения: «О сущности университета и академических занятий» и «Идея философии и проблема мировоззрения». Два послесловия: немецкого издателя и ко второму изданию.

Это, как свидетельствует аннотация, «самые ранние из дошедших до нас лекций Мартина Хайдеггера, которые в 1919 г. двадцатидевятилетний приват-доцент читал во Фрайбургском университете. Впервые опубликованные в 1987 году в 56/57-м томах его собрания сочинений под общим заголовком “К определению философии”... они представляют собой два самостоятельных лекционных курса. Первый... имеет принципиально важное значение для понимания его главного труда “Бытия и времени”, так как предвещает многие его положения; второй... представляет собой обстоятельную феноменологическую критику неокантианской философии, господствовавшей в то время в немецких университетах. Признавая всю значимость ценностного трансцендентализма и выделяя три группы проблем, требующих рассмотрения (проблему собственно ценности, а также ценностной формы и системы), Хайдеггер подчеркивает, что прежде всего речь идет о том, чтобы прийти к некоторой определенности этих проблем, то есть свести их к их подлинному феноменологическому первовидению... показав тем самым методологическую несостоятельность установки на ценность как высший онтологический критерий».

Рассматривая «мировоззрение как предел критической аксиологии» (с. 23), Хайдеггер приводит доводы, позволявшие отождествить философию и мировоззрение, ибо последнее «острее выражает сущность и задачу философии». Мировоззрение выступает как именно *задача философии* (там же), как ее имманентная задача и как предел философии. Учению о мировоззрении, однако, философия как критическая наука не тождественна. Речь, следовательно, идет о парадоксальности и несравнимости мировоззрения и философии. Поиски разрешения парадокса Хайдеггер проводит через идею пранауки, через историю философии, научную интеллектуальную позицию философа, через индуктивную метафизику.

В поисках чего-либо, что есть (которые Хайдеггер называет «вопрошающим переживанием», с. 101), философ непременно оказывается «на методологическом перекрестке, где речь идет о жизни и смерти философии; стоит на краю пропасти: или мы летим в ничто, то есть в абсолютную вещьественность и предметность, или нам удастся совершить прыжок в *другой мир*, а точнее говоря — вообще впервые совершить прыжок в мир» (с. 101–102), чтобы понять многозначность «есть», множественность переживаний «есть». Тем более что «мир — не просто мое представление: он существует реально,

независимо от меня, вне моей субъективности... Физика есть неопровержимое *demonstratio ad oculos* его объективного существования». Даже, как считает Хайдеггер, для устранения трудности связи (и понимания) тела и души ныне существует «хорошо обоснованная... теория психофизического параллелизма и гипотеза причинного соотношения» (с. 127). Потому мотивация смысла реальности возникает из самой жизни, из переживаний мира вокруг. Это переживание и строит реальность, как строит вообще предметность (с. 145–146).

Во второй части анализируются идеи Виндельбанда, Риккерта, Когена и др. В замысел курса входит «феноменологическая критика... трансцендентальной философии ценности», при которой «всякая философская точка зрения, какого бы направления и компетенции она ни была, в силу радикальной постановки вопроса должна предстать перед нами как псевдофилософия, причем так, что тем самым мы продвинемся к подлинно исконному пласту философской проблематики и методики» (с. 192–193), оставив «трансцендентные философские “химеры”» (с. 205).

Книга предназначена для философов, особенно тех, кого интересует история понятий и философских учений.

Розин В.М. Анализ художественных и философских произведений и затронутых в них проблем. Опыт гуманитарного исследования. — М.: URSS, 2025. — 320 с.

Книга Розина, как и все его книги, удивительна и уникальна потому, что она мгновенно откликается на то новое, что происходит в философских текстах. Новая книга состоит из двух частей. Одна посвящена анализу искусства, другая — философско-методологическому и научному мышлению. В первой части автор анализирует авторский поэтический опыт как «экспериментальный опыт гуманитарного исследования» (с. 5). Свои изыскания Розин именует новеллами-исследованиями, хотя здесь хотелось бы подробнее узнать, что значит в данном случае термин «новелла». Первые четыре новеллы он посвящает анализу средневековой мысли, которая названа художественной, хотя такого специального выделения внутри искусств она не знала. Розин заостряет внимание на понятии «двуосмысленность», которое, однако, понял как двуосмысленность в схоластическом духе: с одной стороны, с другой стороны... Король, например, в храме воспринимался как король милостью Божией, а среди рыцарей — как первый среди равных. Но это реально чисто социологический срез, вряд ли имеющий отношение к пониманию, что такое средневековое по-христиански понятое Слово, которое было тождественно Богу и исходило от Бога. Оно изначально едино и содержало в себе как в предвидении все возможные значения. То, в какой контекст оно в некий момент времени попадало, означало выбор, даже перевыбор, совершающийся внутри этих возможных контекстов. Двуосмысленность — это возможность predeterminedного выбора. В самой фразе никакой двойственности нет. «Нами правит король» — это фраза, которая понятна из самой себя. Все в то время понимали, что он и первый среди равных, и король Божьей милостью, и поступали так, как того требовали обстоятельства: где так, а где эдак. Слово было самозначимым и самоговорящим, сакральным; таковым для некоторых философов (например, для Хайдеггера или Библихина) оно является и сейчас, несет в себе древний глубинный, следовательно, священный (религиозный) смысл, значение которого может измениться в предложенном контексте, не

меняясь внешне ни на йоту. Это понимание требует отрешения от современного понимания слова, но не для того, чтобы сделать такое его понимание единственно правильным, а для того, чтобы понять огромную дистанцию, которая пролегла между изначальной и современной философской мыслью. Гераклит, взывая следовать общему, видимо, имел в виду те самые молчание глубины, откуда прорвался голос Слова: глубины говорят мною, говорят разное, иначе, но это значит, что и этот мой голос подразумевало первослово, значит, что смысл первожизни, а значит жизни как таковой прорывается сквозь многотысячелетние завалы.

Но это значит и то, что все сравнения с современными представлениями о слове, если миновать вот *это*, заявленное как особая логическая структура, названная тропологией, работают не вполне точно, как бы по касательной.

Во второй части особенный интерес вызывает новелла, посвященная различиям искусственного и естественного интеллектов. Как пишет Розин, «в современной непростой ситуации кризиса цивилизации, права, образования и других социальных институтов многие возлагают надежды на создание искусственного интеллекта» (с. 303). Реально речь идет о создании или некоего «божественного» интеллекта, того самого Иного, больше которого нельзя больше помыслить, или о «техническом воспроизведении, способном не только повторить, но и значительно превзойти свой естественный прообраз» (с. 304), хотя мыслящий человек постоянно превосходит самого себя, или это «математическая модель, которая имитирует строение и функционирование нервных клеток живого организма» (там же), и тогда это осязаемая помощь и сотрудничество. И тогда действительно встает вопрос, что же такое естественный интеллект, если он захотел технически воспроизвести сам себя. И какова природа творчества? Все время на память приходит старое: «Вы будете как боги».

Розин пишет, что биология может дать примерно такой ответ на вопрос, чем занимается искусственный интеллект: «поскольку человек мыслит мозгом, а мозг образует ансамбли и сети нейронов, постольку ключ к мышлению и творчеству находится в этих физиологических реалиях, следовательно, техническая имитация мозга и нейросетей... позволит создать эффективный искусственный интеллект...» (с. 305). На память при этом пришел генетик В.П. Эфроимсон, выявивший целый ряд болезней (например, туберкулез или подагра, синдром Марфана), которые «были ответственны» за гениальность разного рода: «медленное», упорное мышление, «взрывное» и пр. (его статьи печатались в журналах «Природа», «Вопросы истории естествознания и техники»), и объяснявший, что многих гениев мы лишили, научившись лечить эти болезни. Не означает ли это, что можно создать искусственный интеллект при здоровом мозге? Не приведет ли некая неопознанная болезнь к искажению интеллекта?

Розин представляет естественный интеллект как «культурное, историческое, социальное и антропологическое образование» вкуче с природным, а искусственный — как «технику», которую разрабатывает и создает человек как свое средство (с. 311), а значит, может не наделять его автономией и самостоятельностью. Свободный Бог создавал человека со свободной волей и создал его свободным, поскольку Сам не был рабом, подвластно-свободный человек, зная, что такое свобода и рабство, не может (побоится?) создать свободно действующий интеллект. Иначе вопрос Розина оппоненту («Зачем тогда создавать робота... который может свихнуться?», «не нужно стремиться, чтобы она обладала самосознанием и самостью...», с. 312) понять нельзя. И это значит, что создается **не**

интеллект, который всегда «больше», а помощник в работе, не исключено — зловредной (он-то, робот, неэтичен). Розин считает, что пока что наилучший вариант — естественный интеллект, вооруженный искусственным. При этом как-то все, особенно те, кто исповедует создание человека по акту творения, забыли, что сотворенный таким образом человек обладал именно искусственным интеллектом и создал затем семь свободных искусств.

Бруно Джордано. О тенях идей / Перев. с лат., комм., прим., вступ. ст. Л.И. Титлина. — М.: Голос, 2024. — 220 с.

Ученый, провозвестник прихода Нового времени, рьяный коперниканец, философ, политик, маг, герметик, миссионер, мессия и пророк новой религии, руководитель секты, «академик без академии», профессор, бродячий школяр, монах-расстрига, самый злостный еретик Европы — все это и ничего — Филотей (Боголюбец) Джордано Бруно Ноланец, урожденный Филиппо Бруно, «доктор самой изощренной теологии, профессор самой чистой и безвредной магии, известный в лучших академиях Европы, признанный и с почетом принимаемый философ, всюду у себя дома...». Трактат «О тенях идей» (*De umbris idearum*, 1582 г.), перевод которого читатель найдет в этой книге, относится к раннему периоду философа и в то же время — программное сочинение, одно из важнейших в его творчестве, впервые систематически излагающее основы его философии, которая затем будет раскрываться в других текстах и публичных выступлениях. В «Тенях» классическое античное искусство памяти, прошедшее через преломление Средних веков (в частности, у Фомы Аквинского и Альберта Великого), популярная практика того времени, соединяется с комбинаторным искусством выдающегося Раймонда Луллия, герметизмом, магией и неоплатоническим философским базисом, чтобы создать новую практическую метафилософию, призванную сконструировать посредством талисманых астральных и божественных образов способности воображения личность мага нового типа, способного постичь весь мир как живое, одушевленное и зримое воплощение божества, а затем пересобрать его в героическом энтузиастическом акте, чтобы подняться по золотой цепи к «единому простому Наилучшему Величайшему, бестелесному, абсолютному, самодостаточному...». Трактат включает в себя и «Искусство памяти» в качестве одной из частей — экспликация сложных мнемонических техник, систем кодирования, комбинаторики и визуализации, призванных служить практическим «органом» философии. «О тенях идей» — неповторимая, блестящая, малоизвестная и до сих пор мало понятая жемчужина Ренессанса, которая предоставляет читателю красочную картину замысловатой цветущей орнаментальной сложности мировоззрения той эпохи, наиболее ярко проявившейся в творчестве безудержного философа, поистине мессианским предназначением которого была глобальная религиозно-философско-нравственная реформа по реставрации древней герметической египетской солярной религии человечества.

Фичино Марсилио. Три книги о жизни / Перев. Н. Соколовой. — М.: Изд-во Касталия, 2024. — 258 с.

Марсилио Фичино, глава Платоновской академии, находился в самом сердце итальянского Возрождения. Врач и сын врача, ученый, учитель и священник много лет изучал на собственном опыте и на примерах других все то, что помогает человеку науки и искусства прожить долгую, здоровую жизнь, сонстроенную с небесами. Он пришел к выводу, что, в отличие от охотника, солдата, бегуна или же музыканта, которые знают, как заботиться о своих инструментах — оружии, конях, ногах, музыкальных инструментах, — служители муз находятся в неведении относительно правил ухода за своим «инструментом», каковым является их дух (*spiritus*).

«Три книги» включают в себя три написанных в 1480–1489 гг. трактата, рассматривающих вопросы сохранения здоровья и продления жизни учёных, а также астральных влияний на них.

Первая книга посвящена вопросам **здоровой жизни**. В книге 26 глав, в которых Фичино рассуждает о девяти музах — проводниках ученого, разделенных по трое на разных уровнях: небесные музы: Меркурий, Феб и Венера; проводники души: яростная и стойкая воля, острота разума, цепкая память; и проводники на земле: наиболее разумнейший отец семейства, самый уважаемый учитель и наиболее искушенный врач. Фичино рассуждает о том, как следует заботиться о мозге, сердце, желудке и духе. О подверженности ученых определенным проблемам со здоровьем и отдельно — о меланхолии. Фичино дает рекомендации по заботе об органах, лечении болезней, правильном питании и диете, а также иных лекарственных средствах, которые могут помочь состоянию ученого.

Вторая книга посвящена обретению **долгой жизни**. В книге 20 глав. Рассуждение Фичино начинает строить с комментария на первый афоризм Гиппократов об искусстве и долгой жизни, делая вывод, что долгая жизнь обретается здоровой жизнью: привычками в питании, движении, в образах мыслей, отсутствием тревог и, как говорим сегодня, стресса. Также уделяется внимание месту жительства, запахам, особенно важным для людей почтенного возраста.

Третья книга «**О сопряжении жизни с небесами**» написана Фичино, когда он составлял комментарии к Плотину. Книга состоит из 26 глав. В них Марсилио рассуждает о гармонии мира, о природе человека, о силе природной, жизненной и животной, о Мировой душе и ее телесном воплощении, о личных звездах и привлечении силы от них, о влиянии неподвижных звезд, об использовании планет в медицине, о силах лучей и о талантах человека, об их постижении и развитии.

Издание сопровождается интересным предисловием редактора Никиты Морозова, погружающего читателя в мир Ренессанса и приоткрывающего дверь в творчество Марсилио Фичино.